

<https://helda.helsinki.fi>

pÿ!B@C:BC@=K5 87<5=5=8O 2 A5;LA:>9 <5AB=>AB
pÿ\$8=;O=488 : A@02=8B5;L=K9 0=0;87 42CE @07;

Granberg, Leo

2015

pÿGranberg , L 2015 , ' !B@C:BC@=K5 87<5=5=8O 2 A5;LA:>9 <5AB=>AB
pÿ\$8=;O=488 : A@02=8B5;L=K9 0=0;87 42CE @07;8G=KE B8?>2 >115AB2
pÿsociologia e tnologia kul turologia , vol. 24 , no. 3 , pp. 160-175 . <
http://ecsocman.hse.ru/hsedata/2015/07/08/1082994448/mr15_3_7.pdf >

<http://hdl.handle.net/10138/157777>

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Структурные изменения в сельской местности России и Финляндии – сравнительный анализ двух различных типов общества¹

Л. ГРАНБЕРГ*

*Гранберг Лео – доцент социологии, профессор, Александровский институт, Университет Хельсинки. Адрес: P.O.Box 46, 00014 University of Helsinki, Finland. E-mail: leo.granberg@helsinki.fi

Цитирование: Granberg L. (2015) Structural Change in the Finnish and Russian Countrysides: a Comparative Analysis of Two Different Types of Society. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 160–175 (in Russian)

На протяжении двух последних десятилетий в России происходили масштабные изменения, в ходе которых трансформации подверглись все промышленные структуры, однако особенно ощутимыми оказались преобразования в аграрной сфере, которая всегда была периферией общества и по-прежнему ею остается. Если не концентрироваться на системном переходе государства от социализма к капитализму, то можно заметить, что в структурных изменениях нет ничего нового. В Финляндии глубокие трансформации потрясли село двумя десятилетиями ранее, а за 10–30 лет до этого, хотя и менее радикальные, преобразования деревни пережили и демократии Западной Европы. В данной статье автор стремится сравнить структурные изменения, произошедшие в сельской местности Финляндии и России, а также продемонстрировать их различия и общие черты по трем позициям: социальные институты, деятельность и гражданское общество. С точки зрения компаративного исследования речь идет о двух очень разных странах, в которых происходят одинаковые процессы – сокращение трудовых ресурсов в сфере сельского хозяйства, миграция населения из деревни в город, а также прекращение различного типа деятельности и предоставления услуг в аграрной области (см. [Allardt 1982]).

¹ Статья является одним из результатов деятельности подразделения Александровского института Хельсинкского университета, исследующего альтернативные пути осуществления модернизации в России. Представленное в статье исследование ситуации в Финляндии базируется на более ранних исследованиях автора [Granberg 1986; Granberg 1989; Granberg 2004]. Исследование, касающееся России, основано на полевых исследованиях, проведенных в 2002–2014 гг. Некоторые представленные в данной статье оценки относятся к находящемуся на стадии проведения исследования под рабочим названием *Second Russia* («Вторая Россия»), реализуемому совместно с Анн-Мари Сэтре (см. [Såtre (1) 2014; Såtre (2) 2014]).

Ключевые слова: структурные изменения в сельской местности, деятельность, местная деятельность, сельская политика, Россия, Финляндия

Финляндия

После Второй мировой войны Финляндия все еще оставалась преимущественно аграрным обществом. Сельское население начало сокращаться по окончании военного периода, но общественные структуры трансформировались только в 60–70-х гг. XX в.: в 1960 г. сельское население составляло 32% от общего числа финнов, а в 1975 г. доля сельских жителей уменьшилась уже до 12%. По сравнению с Западной Европой сокращение количества домохозяйств в Финляндии произошло достаточно быстро, то же самое случилось и с сельским населением. Что касается Центральной и Северной Европы, то здесь структурные изменения начались сразу после окончания Второй мировой войны и продолжались в более сбалансированном состоянии в течение десятилетий². В Финляндии с помощью мер, направленных на заселение территорий, новые домохозяйства создавались до начала 60-х гг. XX в., тогда же руководство страны пришло к пониманию того, что изменения неизбежны [*Granberg* 2004].

Работа по заселению территорий еще находилась на пике своей активности, когда выяснилось, что предполагается и внедрение новых технологий как в малых домохозяйствах, так и в лесном хозяйстве. Место лошади заняли тракторы, ручную пилу сменили бензопилы, а автомобили стали перевозить работников из пункта в пункт по отремонтированным дорогам. Также отпала необходимость в лугах и засеянных овсом полях в качестве источников корма для лошадей, больше не нужны были деревни для содержания в отдаленных местностях трудовых ресурсов (людей и лошадей). Условия для существования малых дворов, занимавшихся наполовину натуральным хозяйством, исчезли, и сельский образ жизни отошел в прошлое: в 60–70-х гг. XX в. сельскому населению пришлось стать частью селско-городской Финляндии³. Однако прошло около 20 лет, прежде чем село смогло восстановиться после структурного кризиса, когда современные семейные фермерства пришли на смену малым домохозяйствам, а на селе точка опоры переместилась с аграрных площадей в «новую сельскую местность» [*Granberg* 2004].

Структурные изменения сельского хозяйства стали причиной старта многих общественных процессов и новых политических программ, оказывающих влияние и сегодня. Возник миграционный поток⁴, направившийся в промышленные

² В Финляндии также наблюдались признаки структурных проблем: послевоенная аграрная реформа вынудила владельцев усадеб отказаться от своих земель в пользу переселенцев, прибывавших с территорий, отошедших к России. Передача земли привела к резкому сокращению числа работников. Домохозяйства поменьше также сократили привлечение внешних трудовых ресурсов и стали реже использовать собственных детей в качестве рабочей силы. Однако численность домохозяйств не сокращалась до 60-х гг. XX в.

³ *Rurban* изначально является понятием, введенным в употребление П. Сорокиным и К. Циммерманом еще в 30-е гг. XX в. для обозначения уподобления городов и сельской местности. Прогноз ученых в отношении уподобления в свете дальнейшего развития, конечно, оказался преувеличенным, но само понятие хорошо подходит для описания модернизированной сельской местности (см. [*Sorokin, Zimmermann, Galpin* 1930–1932, III]).

⁴ Пик «великого переселения» [*Kortteinen* 1982] в Швецию пришелся на 1969–1970 гг., когда за один год Финляндию покинули около 40 тыс. финнов, в то время как раньше количество мигрантов составляло около 10 тыс.

центры Финляндии и в Швецию. Сельская партия Финляндии (СПФ, фин. SMP) одержала историческую победу на выборах, что открыло дорогу новым протестным партиям.

Построение социального государства происходило ускоренными темпами и обрело региональные задачи; например, переход от системы народных школ и неполных средних восьмилетних учебных заведений к системе средних общеобразовательных школ произошел сначала в северной Финляндии⁵. В качестве ответной реакции на опустение сельской местности была развернута работа по оживлению деревни, что послужило причиной активизации исследований проблем села в академической среде [Granberg 1989; Granberg 1987]: в 70-х гг. XX в. в большинстве университетов деревня стала объектом научного интереса. Ученые Центра карельских исследований университета г. Йозенсу отправились в деревни Сивакка и Расимяки; другим выдающимся исследованием деревни стала работа научной группы университета г. Тампере, возглавляемой Лаури Хаутамяки.

Процесс изменения села помогает осмыслить использовавшееся Пьером Бурдьё понятие «социальное поле» [Bourdieu 1985, pp. 723–734]: его образуют социальные взаимоотношения действующих в нем агентов; эти связи являются не только экономическими, они многомерны, а «поле» само по себе предстает средой символической борьбы. Положение действующего в «поле» агента зависит от его власти и капиталов, включающих экономический, социальный, культурный и символический компонент. Интересной представляется точка зрения Бурдьё, согласно которой индивидуумы склонны принимать социальный мир таким, какой он есть, и пытаются, скорее, приспособиться к миру, чем изменить его. К этому тезису необходимо добавить, что иногда подобное адаптирование становится невозможным: именно таким и было «социальное поле» в сельской местности Финляндии в конце 60-х гг. XX в.

В период активной миграции из деревни в город, а также во время структурных изменений в промышленности и сфере услуг старые социальные отношения прерывались, и в сельской местности образовывался социальный вакуум, который мог быть заполнен тем, кто изобретал новый способ деятельности. В Финляндии «социальное поле» села осваивалось⁶ постепенно, и со временем деревня стала селско-городской⁷. В научных кругах 90-х гг. XX в. для описания воссозданной аграрной местности было введено понятие «новая сельская местность».

Инициированная в 80-х гг. XX в. политика по модернизации села укрепила образовательную и исследовательскую деятельность в сфере изучения аграрного сектора: в это время Хельсинкский университет основал в городах Сейняйоки и Миккели специализировавшиеся на разработке селско-хозяйственной тематики

⁵ Объектом диссертационного исследования автора данной статьи стала социальная аграрная политика Финляндии – то, как ценности социального государства переносились в область аграрной политики и что за этим следовало. Развитие было проблематичным, т.к. между селскохозяйственной структурой и политическими действиями возникло усугубляющееся трение, требовавшее более интенсивного вмешательства государства. Социальная поддержка селского хозяйства дискриминировала сотрудников других сфер экономики, однако эта поддержка не решила проблему источника доходов и в самом селском хозяйстве.

⁶ По мере вывода аграрных производственных цепочек из селской местности рабочие места стали создаваться муниципальными социальными службами, часто работающими в сфере туризма предприятиями, в деревню переехали передвигающиеся на автомобиле, ценящие широту жизненного пространства семьи, относящиеся к среднему классу, и работники сферы защиты природных объектов.

⁷ Напр., [Overbeek, Terluin 2004].

институты. Таким образом, когда работники лесного хозяйства и мелкие земледельцы исчезли с горизонта деревенской жизни, их место занял представитель академического среднего класса, который в новой сельской местности выступал экспертом и наставником, а также дачником и/или жителем, работающим в городе.

Россия

В то время как Финляндия переживала структурный кризис, в советском аграрном секторе создавались государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы). Конец 80-х гг. XX в. в СССР был временем перестройки и гласности, реорганизации и открытости. Глава небольшого сельского муниципального образования в Архангельской области рассказал в данном нам интервью (октябрь 2013 г.) о перестройке как о хорошем времени: в его деревнях проживали 3 000 чел., строились новые дома, приобретались автомобили. Затем поменялся президент: в ельцинский период начались банкротства, лесхозы прекратили свою деятельность, рабочие места ликвидировались, а совхозные земли были розданы. Спустя два десятилетия в деревнях продолжает проживать только пятая часть от прежнего числа жителей (около 630 чел.), сохранились маленькая школа, детский сад и два дома культуры. Большие предприятия потерпели крах, по-прежнему работают только два лесозавода; права на эксплуатацию лесных угодий оказались в руках внешних собственников.

Представленные в данной статье выводы основаны на полевых исследованиях, проводимых в России с 2002 г.⁸ С полевыми экспедициями (с целью выяснения точек зрения специалистов) мы выезжали также и в города, но основной объект нашего интереса находился во «Второй России»⁹, в сельской местности республик Карелия и Саха, Архангельской и Нижегородской областей, где мы взяли около 400 тематических интервью¹⁰.

Российские государственные сельскохозяйственные предприятия были приватизированы еще в начале 90-х гг. XX в., и их деятельность поначалу целиком держалась на местной изобретательности. В течение последующих лет большинство домохозяйств занимались лишь попытками преодоления трудностей, при этом только часть хозяйств выжила¹¹, остальные же прекратили свое существование, некоторым удалось инвестировать, и они стремились модернизировать

⁸ Научно-исследовательская деятельность 2002–2014 гг., посвященная России, получала поддержку со стороны Хельсинкского университета и Академии наук Финляндии. Кроме того, Европейский союз профинансировал физкультурный проект ENPI в Республике Карелия и Ленинградской области. Состав исследовательской группы менялся от раза к разу: Йоуко Никула, Инна Копотева и Илкка Аланен осуществили множество поездок. Сотрудничество с Юха Кантаненом (исследования домашних животных, Исследовательский центр сельского и продовольственного хозяйства Финляндии МТТ) расширило географию полевых работ за счет сибирских деревень, а начиная с 2011 г. я собираю материал совместно с Анн-Мари Сетрен (Уппсальский университет). Можно было бы добавить многих российских исследователей, однако упомянем только долговременное сотрудничество с Нижегородским государственным университетом, а также с А. Бедным и Н. Иванищенко.

⁹ «Вторая Россия» (*Second Russia*) указывает на ту часть общества, которая находится за пределами политической и экономической элиты и работает в сферах хозяйства, не являющихся приоритетными для государства. В качестве ее противоположности «Первая Россия» осуществляет руководство и контроль в отношении систем и национальных ресурсов, относящихся к делению и перераспределению национальной экономики [Никулин 2012].

¹⁰ Следует отметить, что в момент начала этой работы перестройка уже закончилась.

¹¹ Возможно, диверсификация деятельности была тогда самой сильной стратегией.

свое производство. Такие же сложные моменты были характерны и для лесопильных заводов, рыбообрабатывающих комбинатов и всей бывшей государственной промышленности.

Следует упомянуть, что в начале президентского срока Б.Н. Ельцина создавались новые малые фермерские хозяйства, но вскоре государство перестало их поддерживать. Более успешными, чем фермерские предприятия, оказались новые коммерсанты, чей основной товарный ассортимент включал алкоголь и продукты питания. В общем и целом, этот период ознаменовался всеобщим упадком: так, в совхозах больше не ремонтировались жилые постройки, не занималось этим и государство; здания, дорожная система, вся инфраструктура и экономика пришли в запустение, продолжительность жизни мужчин устремилась «ко дну», приближение которого ускорялось злоупотреблением алкоголя. К тому же когда сельскохозяйственным работникам и пенсионерам раздавали землю, у большинства не было ни малейшего представления о том, как ею воспользоваться. При этом и банковская система, и оптовая торговля, и логистические решения оставили большую часть России вне обслуживания.

Что происходит в России?

Согласно двум преобладающим теоретическим точкам зрения, в настоящее время Россия либо модернизируется, либо снова сталкивается с трудностями, свойственными ее (неблагоприятному) пути развития, и все так или иначе необходимо начинать сначала. Первая интерпретация относится к теории модернизации, а вторая – к теории зависимости настоящего от траектории предшествующего развития.

Согласно теории модернизации, развиваясь, социальная система приводит к обособлению внутри себя подсистем, среди которых каждая выполняет свою задачу (функции) в общественной деятельности, и от интерактивного взаимодействия этих подсистем зависит деятельность всего целого. Являясь успешными, самые прогрессивные страны (и регионы) своим примером побуждают развиваться те, которые остались за пределами модернизации. При этом зависимость настоящего от траектории предшествующего развития основана на мысли об институтах, которые являются необходимыми для успешного экономического развития. Эти институты, по мнению Д. Норта, делятся на четыре типа: законодательство, организации, исполнительные системы и регулирующие поведение нормы. Развитие институтов, однако, не происходит равномерно, и особенно трудно поддаются трансформации культурные институты – нормы и ценности, – даже если все остальное изменяется. Данное утверждение во многом выражает центральную мысль теории зависимости настоящего от траектории предшествующего развития, например, в знаменитом исследовании Р. Патнэма «Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии» [Putnam 1993]¹².

12 Р. Патнэм исследовал в Италии различия в развитии Севера и Юга. Он считал, что они связаны с историей развития длиной в тысячелетие и прежде всего с различиями в традициях гражданского общества. Другой же исследователь, С. Хедлунд [Hedlund 2005], стремился показать, например, что долгий период монгольского владычества в России оставил в истории этой страны такой глубокий след, что Россия до сих пор это ощущает. После падения коммунизма государство снова оказалось в стартовой ситуации, в которой Б.Н. Ельцин взял власть в свои руки.

Теоретически вопрос о модернизации или о зависимости настоящего от траектории предшествующего развития представляется весьма интересным: находится ли Россия сейчас в начале долгого эволюционного пути модернизации или является заложницей цикличности, начавшейся еще во времена татаро-монгольского ига? Хотя вопрос и достоин внимания, с точки зрения конкретного исследования он крайне неоднозначен и остается в этой статье без ответа. Мы же, в свою очередь, рассмотрим упомянутые ранее три темы, посредством которых сравним преобразования, произошедшие в аграрной сфере Финляндии и России. Целью анализа является демонстрация, чем же отличаются друг от друга изменения в указанных странах.

Институты, деятельность и гражданское общество

Институты

Системы, ведущие к отказу от деятельности (абандону)¹³, пропагандировали преимущества прекращения содержания фермерств. Экономическое влияние государственных мер не следует переоценивать, в то время как психологическое воздействие было огромным. Сельскохозяйственные организации в Финляндии представляли собой результат развития, длившегося более полувека, и были дееспособными; исполнительные системы также работали продуктивно: в Финляндии, например, совсем не было зафиксировано коррупции, несмотря на масштабную государственную поддержку и связанную с ней политическую игру. Однако значительной проблемой оставалось противоречие культурных норм¹⁴, а именно происходило столкновение городской и сельской систем ценностей, когда добровольные государственные системы абандона воспринимались как атака на мелкого крестьянина. Вследствие чего работа послевоенного поколения земледельцев-первопроходцев в течение двух десятилетий была сведена к нулю: малые сельские хозяйства в массовом порядке прекращали свою деятельность, значительная часть сельского населения переехала в Швецию, что свидетельствовало о разочаровании по отношению к собственной родине.

В России положение институтов в 90-х гг. XX в. было иным, чем в Финляндии двумя десятилетиями ранее, поскольку после распада СССР в стране отсутствовало единое законодательство. Когда законы удалось урегулировать, их исполнение начало базироваться на вольной интерпретации. Более того, владение сельскохозяйственными угодьями долгое время носило весьма неопределенный характер, и остается таковым во многом до сих пор. После распада старых государственных

¹³ Прежде всего, вознаграждения за убой коров и компенсации, выплачиваемые за консервацию полей.

¹⁴ Представители сельскохозяйственного общества не одобрили идею властей о прямой поддержке как инструменте распределения доходов. Когда в качестве такого инструмента (как части аграрной политики) разрабатывалась надбавка за площадь, исполнительный директор Карельского союза (Karjalan liitto) Урхо Кяхенен говорил об «особой помощи неимущим», которая парализовала бы предпринимательскую деятельность. Агроном Ахти Латомаа, представлявший в комитете северную Финляндию, в свою очередь, считал поддержку опасной, потому что «она воспитывает мысль о том, что деньги придут, даже если не будешь работать» [Granberg 1989, p. 102; Komiteanmietintö 1962, pp. 135, 138].

ных сельских хозяйств (совхозов) не возникло иной новой организационной формы, которая выполняла бы их функции; не существовало также и посреднических организаций между мелкими земледельцами и городскими рынками, таких как, например, финские кооперативные предприятия в сфере обработки и торговли. В России финансовые системы, логистика, образовательные и консалтинговые организации обрели несовершенные формы, распространилось натуральное хозяйство, выросла коррупция. Сельские жители занимались тем, чему научила их история: производили для себя продукты питания на своих земельных участках. Сохранение натурального хозяйства действительно является одним из самых ярких признаков культурной преемственности (зависимости настоящего от траектории предшествующего развития) в России: оно сохранялось на протяжении сельскохозяйственной коллективизации времен социализма и по-прежнему остается жизнеспособным после падения социалистической системы. Мелкое земледелие на приусадебных участках в различные периоды составляло от половины до, вероятно, одной трети всего российского сельскохозяйственного производства.

Необходимо отметить, что аграрные институты в Финляндии и России дали трещину в различных точках: в Финляндии формальные государственные институты и организации работали отлично, в России же они рухнули вместе с СССР. С другой стороны, в Финляндии крах произошел в неформальных институтах, в столкновении ценностей и норм между деревней и городом, между поколениями.

Деятельность

А. Хиршман использовал понятийную пару *exit* и *voice* для описания двух основных способов, с помощью которых неудовлетворенный человек справляется со своими проблемами [Hirschmann 1990; Polischchuk 2013]. Он может либо уйти (*exit*), либо протестовать (*voice*). Эти действия можно отсрочить, если человека заставляют, несмотря на трудности, оставаться лояльным (*loyalty*) по отношению к властям предрежащим. Как деревни Финляндии и России отреагировали на трудности?

1. В Финляндии мелкими земледельцами реализовывались как уход, так и протест. Миграция опустошила целые деревни, особенно в регионах с преобладающими лесными массивами. Если сами по себе мелкие земледельцы не собирались уезжать, то их дети все же покидали аграрное сообщество, а родители «консервировали» поля и уходили на пенсию. Протест был увиден и услышан, когда на выборах 1968 г.¹⁵ победила представлявшая интересы мелких фермеров Сельская партия Финляндии. Сельское население отказалось от своей благожелательной позиции по отношению к государству, и потребовалось около десятилетия, прежде чем лояльность вернулась хотя бы в основных своих чертах. Протесты в сельской местности спровоцировали коррекционные политические меры, в том числе реализованные посредством региональной политики, но они были недостаточно эффективными, чтобы быстро изменить ситуацию.

¹⁵ Больше всего новой протестной партии проиграли традиционные носители ценностей сельского общества Партия центра (бывший Аграрный союз) и Демократический Союз народа Финляндии (ДСНФ; фин. SKDL), в который входили коммунисты.

Таблица 1. Доверие по отношению к представителям российской власти (доверяете ли вы следующим институтам?)

	Полностью доверяю	Доверяю не полностью	Совсем не доверяю
Президент	51	32	12
Федеральное правительство	30	41	22
Региональные правительства	21	44	24
Местные правительства	19	45	27
Национальный парламент	20	48	24
Политические партии	13	48	30
Суды	23	42	22

Источник: [Polischchuk 2013]; оригинальный материал Левада-Центр 2012.

2. В России миграция происходила на протяжении веков как добровольно, так и с целью избежать крепостную зависимость: население уезжало в Сибирь и северные регионы. Так и в последние десятилетия *exit* является преобладающим решением: немногие покинули страну, как могли поступать, например, ведущие ученые, специализирующиеся в области естественных наук, и успешные спортсмены; в Сибирь тоже больше не уезжали, за исключением специалистов нефтегазовой отрасли. Вместо этого происходил масштабный «побег внутрь», обращение к собственным, частным решениям. Эту «миграцию» можно было совершить, никуда не перемещаясь, оставаясь в сельской местности или маленьких городах¹⁶. Объектом «ухода внутрь» стала «Вторая Россия», страна тех, кто не принимал решений российского государства относительно использования природных ресурсов или перераспределения доходов. Ушедшие во «Вторую Россию» не хотели иметь ничего общего с политиками, чиновниками и экономической элитой. В сочетании с алкоголем этот «побег» оказался для многих последним периодом жизни, но в сочетании с малым хозяйством и возможностью подработать «уход» стал возможным в качестве предпочтительного образа жизни.

3. В российской сельской местности протестов не было слышно: и хотя на выборах голосовали за коммунистов, но они никак не помогли в реформировании местной жизни.

4. Лояльность по отношению к представителям государственной власти потерпела в России крах сразу после падения СССР, за исключением преданности по отношению к руководителю государства. Президенту по-прежнему доверяют, что демонстрирует высокий рейтинг первого лица государства (таблица 1). Кроме того, В.В. Путин также осуществил меры, укрепляющие лояльность: так, выплата пенсий продолжалась и в трудные времена; в период нахождения у власти Путина и Медведева реализовывались президентские программы, нацеленные в сельской местности на большие группы населения: в частности, повысился уро-

¹⁶ Эту «внутреннюю эмиграцию» можно сравнить с «уходом в себя» военного поколения Финляндии, когда в сельской местности возникали тысячи малых домохозяйств и городской средний класс строил в деревне дачи, куда переезжали вместе с семьей на летний период.

вень зарплаты учителей, увеличен бюджет культурной сферы, для переехавших в сельскую местность молодых учителей строилось жилье¹⁷.

Местная деятельность

Теория Хиршмана дает общую картину гражданского протеста, но не описывает того, какие меры предпринимались на местном уровне для улучшения условий жизни. В Финляндии реформирование сельской местности осуществлялось как снизу, так и сверху. Деятельность, направленная на оживление жизни в деревне, и последовавшая за ней местная проектная работа были инициированы снизу, а перераспределение доходов государства и новые рабочие места, предлагаемые социальным государством, спускались сверху: в 70-х гг. XX в. было расширено муниципальное управление, основаны поликлиники и средние общеобразовательные школы. Эти и многие другие реформы создали в период структурных изменений новые рабочие места, особенно для женщин сельской местности. При этом в бизнес-деятельности объединились оба направления реформ: предприниматели работали на местном уровне, но получали поддержку для осуществления своей деятельности через различные программы.

В России после крушения социализма долгое время программы, на которые направлялись бы ресурсы, не реализовывались; они стали работать только 2000-е гг.: следует отметить реформу органов местного самоуправления, ориентацию экономической поддержки на инвестирование крупных земледельческих хозяйств, поддержку образования и культурной деятельности.

В России существует огромная пропасть между постановлениями и их исполнением, поэтому возникла необходимость выезда на места финских специалистов с целью анализа реализации различных мер на практике¹⁸. В период 2001–2004 гг. полевые экспедиции выявляли значительное количество разваливающихся сельхозорганизаций: немногие руководители бывших совхозов и колхозов боролись за выживание своих предприятий. Также выявилось много освобождающегося социального пространства, которое стремились заполнить лишь в исключительных случаях¹⁹.

Поездка в сибирские деревни в 2005 г. продемонстрировала, с каким упорством местная администрация и население создают в суровом климате условия для жизни; там также стало понятно значение реформы органов местного самоуправления,

¹⁷ Их можно интерпретировать двумя способами: а) речь идет о сознательной попытке интегрирования населения с целью поддержки власти, интеграция происходит путем предоставления гражданам кажущихся улучшений, однако в то же время основы системы остаются прежними (сильная зависимость настоящего от траектории предшествующего развития). Второй способ интерпретации заключается в том, что данные меры рассматриваются как следствие нормального политического процесса, при котором доверие избирателей укрепляется реализацией политических реформ (положительная (демократическая) модернизация).

¹⁸ В рамках исследовательских проектов автора статьи практически ежегодно (начиная с 2001 г.) осуществлялись полевые экспедиции в Россию.

¹⁹ В Карелии мы встретили рыбоведа, владельца лесопильного завода, предпринимателя в сфере туризма и мелкого фермера – они все переехали в республику из других регионов. Мы также общались с агрономом, ушедшим из совхоза на свою частную ферму и занимающимся выращиванием семенного картофеля; встретили директора совхоза, который пытался передать своему сыну самую рентабельную часть предприятия. Помимо этих частных случаев мы видели большее число новых предприятий лишь в сфере торговли.

которая дала маленьким муниципалитетам новую надежду и собственный незначительный бюджет²⁰. Мы также изучали социальные инновации, в рамках которых наблюдалось стремление самостоятельно решать важные местные вопросы²¹.

Таблица 2. **Выживание, приумножение социального капитала и стратегическая деятельность, направленная на изменение жизненной ситуации**

	Выживай!	Создавай социальный капитал!	Действуй стратегически!
Индивидуумы	– натуральное хозяйство, – работа на двух работах одновременно, – кредиты, – помощь родственников		– образование (для ребенка), – учреждение бизнеса, – смена места работы (работа в Москве или в приоритетных отраслях)
Неформальные группы и общественные организации		– традиционные (советские) общественные организации, – новые клубы, дома культуры	– клуб предпринимателей
Государство	– обращение за помощью к социальному работнику, – подача жалобы президенту	– подача заявки на финансирование проекта	– программы для приемных семей, – программы для молодых специалистов, – эмиграция

Спустя несколько лет (2011–2013 гг.) во время поездки в Карелию, Архангельск и Нижегородскую область мы стали свидетелями позитивных изменений, хотя условия в этих районах по-прежнему были проблематичными. Нам удалось собрать систематические данные о моделях местной деятельности и сравнить эти результаты с показателями, полученными исследователем Уппсальского университета Анн-Мари Сетре в другом северном регионе (напр., [Såtre 2007; Såtre (2) 2014]. Мы разделили анализируемую нами деятельность на работу, направленную на выживание (*coping*), и на деятельность, направленную на достижение лучшей жизни (*agency*). При этом было отмечено, что одни меры являлись инициативами частных лиц и семей, а другие в большей степени использовались в государственных программах [Granberg, Såtre 2013]. Далее представлены примеры различных типов деятельности в северных регионах России (таблица 2):

- начали свою деятельность малые предприятия и малые фермерские хозяйства;
- в органах местного самоуправления появились сотрудники, которые активно ищут решения местных проблем, хотя занимаемая должность и не обязывает их

²⁰ Реформа органов местного самоуправления была проведена только после нашей поездки, поэтому представленная здесь точка зрения основывалась на видении будущего представителями сельской администрации. Изменение было в любом случае большим, т.к. раньше у администрации были только обязанности без финансирования, о котором необходимо было отдельно договариваться с вышестоящими органами.

²¹ Мы нашли, в числе прочих, и учрежденный местными силами детский дом, в котором о детях заботились в течение того времени, когда ожидалось окончательное решение относительно их будущего жилья.

к этому; при этом они используют государственные программы, различные фонды и спонсорскую помощь местных предприятий, а также благотворительные сети;

– социальные матери – это феномен, известный еще со времен СССР, их можно также охарактеризовать как социальных предпринимателей [Sätre (1) 2014]; на своем рабочем месте и за его пределами они берут на себя ответственность за социальное обеспечение других людей;

– в России возникло проектное общество: местные проекты финансируются за счет средств предприятий и через государственные программы, которые часто сопровождаются получением дополнительного финансирования на региональном уровне;

– многие государственные программы прямо или косвенно направлены на реализацию проектов в сельской местности: поддержка семей с приемными детьми; строительство спортивных центров; программа для молодых специалистов, в рамках которой специалистов, получивших академическое образование, приглашают обосноваться на селе, предлагая им, например, жилье и автомобили; реконструкция и капитальный ремонт местных зданий и домов культуры; проведение Интернета во все сельские школы.

Гражданское общество

Согласно Р. Патнэму, гражданское общество порождает социальный капитал и способствует демократии и развитию²². Слабость гражданского общества в России проявляется в незначительном количестве официальных общественных организаций и в отсутствии самостоятельности по отношению к государству²³. Но возможно ли, чтобы на местном уровне существовала другая гражданская активность? Мы попытались в наших полевых исследованиях установить различные формы сотрудничества, и в течение последних двух лет проводили в Карелии развивающий эксперимент, который предполагал кооперацию на местном уровне.

Во время первых полевых экспедиций мы не обнаружили абсолютно никаких значимых общественных организаций: женские клубы и спортивные кружки были самым заметным признаком сотрудничества граждан в мелких сельских населенных пунктах. В последние годы наблюдений в России произошли небольшие изменения, частично в сельской местности, частично в маленьких городах: наряду со старыми общественными организациями, занимающимися ветеранами и инвалидами, работают и вновь созданные, например, клубы родителей из семей с приемными детьми и родителей детей-инвалидов.

В социальном секторе, по-видимому, существует потребность в создании организаций, призванных помогать социальной деятельности государства и допол-

²² Для политической стабильности, эффективности правительств и экономического прогресса социальный капитал, возможно, еще более важен, чем капитал физический или человеческий. Многие бывшие коммунистические страны почти не имели гражданских традиций в досоциалистический период, а тоталитарное правление выкосило даже ту незначительную существующую в то время поросль. [Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996].

²³ В качестве препятствия можно рассматривать, например, традицию сильного государства и патримониальный способ правления, страх перед беспорядком во власти, а также общественные ментальные конструкции.

нять ее, на что указывает также работа М. Кулмала [Kulmala 2013]. Организация другого рода была обнаружена в Архангельской области, где орган территориального общественного самоуправления (ТОС) занимался проектами, нацеленными на разработку мероприятий местного значения.

Наш развивающий эксперимент (*Ladoga Initiative*) мы провели в Приладожье в виде активного исследования, в рамках которого при незначительном финансировании было реализовано тридцать местных проектов. Сами жители разрабатывали идеи проектов, а местная рабочая группа отбирала лучшие из них для дальнейшего финансирования. Так, мы выяснили, что для жителей оказалось приоритетным: самой популярной темой стало строительство детских площадок, а самым распространенным общим знаменателем для проектов явилось стремление создать общественное пространство, в рамках которого жители могли бы встречаться и общаться (детская площадка, клуб, общественная баня, ср. *public space* Хабермаса). Посредством данных проектов жители хотели укрепить идентичность своего населенного пункта по отношению к внешней среде (конкурс логотипов, фиксирование воспоминаний, ремонт крыши музея).

В качестве вывода укажем, что:

- потребность в общественных организациях в России особенно остро наблюдается в социальном секторе;

- гражданское общество способно при появлении возможности функционировать слаженно: в рамках Ладожского эксперимента для работы нашлись как увлеченные координаторы, так и участники. Несколько местных проектов продолжали свою работу даже тогда, когда финансирование проекта было прервано на длительный период;

- можно опровергнуть утверждение, согласно которому «ментальное состояние в среде сельского населения (напр., колхозный менталитет) сковывает развитие российской сельской местности» [Granberg, Nikula, Kopoteva 2015, p. 124];

- основываясь на собственном опыте, можем утверждать, что в российской сельской местности представляется вполне возможным переход к процессу, при котором доверие укрепится, а социальный капитал возрастет.

В заключение необходимо констатировать появление в России проектного управления, чему способствует финансирование со стороны государства, ориентированное на реализацию местных проектов на основании представленных заявок. И даже в этой ситуации в России, на наш взгляд, необходимы местные сообщества, которые могли бы инициировать и осуществлять проекты; ими могут быть как не зависящие от государства организации, так и полуофициальные объединения. Интересными представляются вопросы об их численности в будущем, об изменении отношения между государством и гражданами, и как в количественном отношении полуофициальные общественные организации смогут увеличить социальный капитал.

Выводы

Во второй половине 90-х гг. XX в. как в Финляндии, так и в России деревня переживала значительные структурные изменения с разницей приблизительно в 25 лет. В обоих случаях собственное устройство аграрных хозяйств и окружавшая их институциональная структура отстали от развития, и трансформации в сельской местности подталкивались внешними переменами:

– изменения касались всей институциональной структуры, но начались в разных фрагментах этой структуры;

– реакция сельского населения была различной: в Финляндии крестьяне уезжали из страны, в России – «уходили в себя»; в Финляндии возникло протестное движение, в России – воцарилось молчание;

– в Финляндии в отношении аграрного сектора важные реформы осуществлялись в сфере региональной и социальной политики; в России реформ пришлось ждать дольше, но и здесь пенсионные решения и некоторые президентские программы способствовали существенным изменениям в лучшую сторону;

– в Финляндии гражданское общество проявляло инициативу, хотя в сельской местности и переживало кризис, в России же гражданское общество было пассивным, но родственные связи оставались крепкими.

Структурные изменения при капитализме можно сравнить с штормом в море. Однако если мы в состоянии смягчить его последствия, то мы никак не можем предотвратить сам природный катаклизм. Существует три метода амортизации структурного кризиса: первый метод заключается в гражданской активности на самом низшем уровне; второй представляет собой политические программы, исходящие сверху; третий – это меры, интегрирующие предыдущие два метода, а также планирование и реализация рефлексивной стратегии.

В Финляндии используются все эти три метода, правда, стратегическая работа в сельской местности началась по-настоящему только 20 лет спустя после начала кризиса мелкого фермерства.

В России также используются два первых метода, третий же в иерархически организованной политической системе России еще не развит, что явствует из ответа, который мы получили в одной деревне на вопрос, существует ли в данном муниципалитете стратегия развития: «Как у нас может быть стратегия развития деревни, когда ее нет во всей России?».

Литература

- Никулин А. (ред.) (2012) Вторая Россия: Дифференциация и самоорганизация. М.: Дело.
- Allardt E. (1970) Hyvinvoinnin Ulottuvuuksia. Porvoo: WSOY.
- Bourdieu P. (1985) The Social Space and the Genesis of Groups // *Theory and Society*, vol. 14, no 6, pp. 723–744.
- Granberg L. (1986) Small Production and State Intervention in Agriculture // *Acta Sociologica*, vol. 29, no 3, pp. 243–253.
- Granberg L. (1989) Valtio Maataloustulojen Tasaajana Ja Takaajana. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk: 138. Helsinki: Suomen Tiedeseura.
- Granberg L. (2004) Maatalouden tulojärjestelmän synty (luku 2) ja Tuotannon kasvun vuosikymmenet (luku 3) // *Suomen maataloushistoria*, Osa III. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, pp. 91–186.
- Granberg L. (2012) Pitirim Sorokin's Heritage in Rural Sociology // *Researching Realities – todellisuuksia tutkimassa* (eds. Nikula J., Granberg L.), Jyväskylä: Sophi, pp. 197–216.
- Granberg L., Sätre A.-M. (2013) Breaking out of Poverty. Space of Local Actors in Second Russia. Unpublished Presentation in UCRS, Uppsala 19.11.2013. University of Uppsala.
- Granberg L., Nikula J., Kopoteva I. (2015) LEADER and Possibilities of Local Development in the Russian Countryside // Granberg L., Andersson K., Kovách I. (eds.) *Evaluating the European Approach to Rural Development, Grass-roots Experiences of the LEADER Programme*. Farnham: Ashgate, pp. 111–126.

- Hedlund S. (2005) *Russian Path Dependence*. London, New York: Routledge.
- Hirschman A.O. (1990) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Kortteinen M. (1982) *Lähiö: Tutkimus Elämäntapojen Muutoksesta*. Otava.
- North D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Overbeek G., Terluin I. (eds.) (2006) *Rural Areas under Urban Pressure, Case Studies of Rural-Urban Relationships Across Europe*. Agricultural Economics Research Institute (LEI) Wageningen UR.
- Polischchuk L. (2013) *Political Activism in Russia: Causes and Effects*. Unpublished seminar paper in LIGAN, Stockholm.
- Putnam R.O. (1993) *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Sorokin P., Zimmerman C.C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*. New York: Holt.
- Sorokin P., Zimmerman C.C., Galpin C.J. (eds.) (1930–1932) *A Systematic Source Book in Rural Sociology*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sätre A.-M. (1994) *Environmental Problems in the Shortage Economy: The Legacy of Soviet Environmental Policy*. Aldershot and Brookfield USA: Edward Elgar Publishing Limited.
- Sätre A.-M. (2007) *Vild kapitalism och gammal byråkrati. Om småföretagare i Ryssland*. Stockholm: Premiss förlag.
- Sätre A.-M. (1) (2014) *Paid and Unpaid Social Work in Russia. Is Women's Social Work opening up Opportunities for Empowerment Processes?* // *International Social Work*, vol. 57, no 5, pp. 523–534.
- Sätre A.-M. (2) (2014) *Women in Local Politics in Russia: Coping with Poverty and Strategies for Development* // *Eastern European Countryside*, vol. 20, no 1, pp. 27–53.

Structural Change in Finnish and Russian Countrysides: a Comparative Analysis of Two Different Types of Society

L. GRANBERG*

***Leo Granberg** – Professor, Aleksanteri Institute, University of Helsinki. Address: P.O. Box 46, 00014 University of Helsinki, Finland. E-mail: leo.granberg@helsinki.fi

Citation: Granberg L. (2015) *Structural Change in the Finnish and Russian Countrysides: a Comparative Analysis of Two Different Types of Society*. *Mir Rossii*, vol. 24, no 3, pp. 160–175 (in Russian)

Abstract

This article compares the structural changes in the Russian countryside to those of the Finnish countryside two to three decades earlier. The focus is first on institutional changes and then on local reactions and national political efforts to those mitigate changes; finally the state of civil society is discussed. In Russia, institutional infrastructure broke down

in the 1990s and activities in agriculture and rural communities were severely limited. In Finland infrastructure worked well but the type of agriculture—small farming—could not be reproduced in the modernizing environment of the 1960s and later. To analyse social reactions, Albert Hirschman's concepts of 'exit, voice and loyalty', are applied. Finland experienced protests and an exit from countryside, while Russia exited inwards. Soon after the occurrence of this crisis, political measures were taken in Finland, however, a more thorough-going change in policy took two decades, about as long as in Russia. One basic difference after these experiences is that Russia was, and is still, lacking any system of strategic development on the local level of society. In Finland such a system was adopted during EU accession. However, some local experiments are under way in Russian regions.

Keywords: structural change in the countryside, action, local action, rural policy, Russia, Finland

References

- Allardt E. (1970) *Hyvinvoinnin Ulottuvuuksia*, Porvoo: WSOY.
- Bourdieu P. (1985) The Social Space and the Genesis of Groups. *Theory and Society*, vol. 14, no 6, pp. 723–744.
- Granberg L. (1986) Small Production and State Intervention in Agriculture. *Acta Sociologica*, vol. 29, no 3, pp. 243–253.
- Granberg L. (1989) *Valtio Maataloustulojen Tasaajana Ja Takaajana* [State as the Equalizer and Guarantee of Agricultural Incomes], Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk: 138. Helsinki: Suomen Tiedeseura.
- Granberg L. (2004) Maatalouden tulojärjestelmän synty (luku 2) ja Tuotannon kasvun vuosikymmenet (luku 3) [The Birth of the Act on Agricultural Incomes and the Decades of Production Growth. Chapters 2–3]. *Suomen maataloushistoria, Osa III*, Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, pp. 91–186.
- Granberg L. (2012) Pitirim Sorokin's Heritage in Rural Sociology. *Researching Realities – todellisuuksia tutkimassa* (eds. Nikula J., Granberg L.), Jyväskylä: Sophi, pp. 197–216.
- Granberg L., Sätre A.-M. (2013) *Breaking out of Poverty. Space of Local Actors in Second Russia*. Unpublished Presentation in UCRS, Uppsala 19.11.2013. University of Uppsala.
- Granberg L., Nikula J., Kopoteva I. (2015) LEADER and Possibilities of Local Development in the Russian Countryside. *Evaluating the European Approach to Rural Development, Grass-roots Experiences of the LEADER Programme* (eds. Granberg L., Andersson K., Kovách I.), Farnham: Ashgate, pp. 111–126.
- Hedlund S. (2005) *Russian Path Dependence*, London, New York: Routledge.
- Hirschman A.O. (1990) *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Kortteinen M. (1982) *Lähiö: Tutkimus Elämäntapojen Muutoksesta* [Suburban Place: a Study of Changing Way of Life], Otava.
- Nikulin A. (ed.) (2012) *Vtoraya Rossiya: Differentsiatsiya i samaorganizatsiya* [Second Russia: Differentiation and Self-organization], Moscow: «Delo».
- North D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Overbeek G., Terluin I. (eds.) (2006) *Rural Areas under Urban Pressure, Case Studies of Rural-Urban Relationships Across Europe*, Agricultural Economics Research Institute (LEI) Wageningen UR.

- Polischchuk L. (2013) *Political Activism in Russia: Causes and Effects*. Unpublished seminar paper in LIGAN, Stockholm.
- Putnam R.O. (1993) *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Sorokin P., Zimmerman C.C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*, New York: Holt.
- Sorokin P., Zimmerman C.C., Galpin C.J. (eds.) (1930–1932) *A Systematic Source Book in Rural Sociology*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Sätre A.-M. (1994) *Environmental Problems in the Shortage Economy: The Legacy of Soviet Environmental Policy*, Aldershot and Brookfield USA: Edward Elgar Publishing Limited.
- Sätre A.-M. (2007) *Vild kapitalism och gammal byråkrati. Om småföretagare i Ryssland* [Wild Capitalism and Old Bureaucracy. On Small Enterprises in Russia], Stockholm: Premiss förlag.
- Sätre A.-M. (1) (2014) Paid and Unpaid Social Work in Russia. Is Women's Social Work opening up Opportunities for Empowerment Processes? *International Social Work*, vol. 57, no 5, pp. 523–534.
- Sätre A.-M. (2) (2014) Women in Local Politics in Russia: Coping with Poverty and Strategies for Development. *Eastern European Countryside*, vol. 20, no 1, pp. 27–53.